

ПТОЛЕМЕЙ ЦЕЗАРЬ В ПРОПАГАНДЕ ТРИУМВИРОВ¹

Пропаганда периода 34–31 гг. до н.э. является наиболее изученной частью проблемы воздействия на общественное мнение в период Второй гражданской войны в Риме. Благодаря усилиям таких исследователей, как К. Скотт, М. Чарльзворт, У. Тарн достаточно обстоятельно изучены многие направления политической пропаганды как Октавиана, так и Антония, выявлены и исследованы основные лозунги враждовавших сторон². Достаточно серьезно исследована религиозная подоплека действий Антония и проблема наступления так называемого «золотого века» в пропаганде обеих сторон³. Важную роль в этом противоборстве, по мнению многих исследователей, играл Цезарион – родной сын Цезаря и царицы Египта Клеопатры.

Данные источников позволяют утверждать, что инициатива развязывания пропагандистской войны принадлежала Октавиану⁴. Одной из причин агрессивных нападков Октавиана на Марка Антония, как полагают некоторые исследователи, является то обстоятельство, что во время торжественной церемонии (чаще известной как «Александрийские дарения»), Антоний публично подтвердил тот факт, что Клеопатра была женой Цезаря, а Цезарион являлся их законным сыном (Dio Cass. XLIX.41.2). Дион Кассий, автор данного сообщения, далее высказал личное мнение, которое было утверждено в качестве аксиомы в современной историографии. Суть фразы заключается в том, что Антоний провозглашал Цезариона сыном Цезаря в противовес Октавиану, так как подчеркивал, что Октавиан является всего лишь приемным, а не кровным сыном диктатора (ὅπως τὸν Καίσαρα τὸν Ὀκταβιανὸν ἐκ τούτου, ὅτι ποιητὸς ἀλλ' οὐ γνήσιος αὐτοῦ παῖς ἦν, διαβάλλοι – Dio Cass. XLIX.41.2).

Мысль о противопоставлении Антонием родного (законного) сына (Цезариона) – приемному (Октавиану) прочно обосновалась в современной исторической литературе именно в контексте пропагандистской войны между триумвирами⁵. В этой же связи предпринимались специ-

¹ Статья представляет собой переработанный и дополненный вариант сообщения, с которым автор выступил на международной научной конференции в Белорусском государственном университете (г. Минск) в апреле 2005 г.

² См.: Scott K. Octavian's Propaganda and Antony's *De Sua Ebrietate* // CPh. 1929. Vol. 24. № 2. P. 133–141; Scott K. The Political Propaganda of 44–30 BC // MAAR. 1933. Vol. 11. P. 36–48; Charlesworth M.P. Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony // CQ. 1933. Vol. 27. P. 173–175.

³ См.: Tarn W.W. Alexander Helios and the Golden Age // JRS. 1932. Vol. 32. P. 144–149. В отечественной историографии этой проблемой занимался Ю.Г. Чернышов (Чернышов Ю.Г. Социально – утопические идеи и миф о «Золотом веке» в древнем Риме. Новосибирск, 1994. Ч. 1. С. 126–132).

⁴ Любопытное замечание оставил Плутарх. Он пишет, что Октавиан «ожесточал римлян» против Антония, на что тот выдвигал ответные обвинения (Plut. Ant. 55. Ср.: Dio Cass. XLIX.41. 5). Перипетии переписки между Октавианом и Антонием, взаимные обвинения и оправдания, достаточно подробно освещены в историографии. См.: Tarn W.W., Charlesworth M.P. The War of the East against the West // CAH. 1989. Vol. 10. P. 90–98; Scott K. The political Propaganda P. 36–48; Charlesworth M.P. Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony. P. 172–177.

⁵ Ср.: «Согласно пропаганде Антония, Октавиан узурпировал место и титулы другого» (Tarn W.W., Charlesworth M.P. Op. cit. P. 93); «Цезарион, прежде всего, символизировал, что

альные исследования, посвященные Цезариону. Такие известные специалисты, как Ж. Каркопино, Х. Хайнен и др. провели доскональное исследование сведений источников о дате рождения Цезариона, о том, являлся ли его отцом Цезарь или им был Марк Антоний, не могла ли Клеопатра родить двоих детей от Цезаря. Но тезис Диона Кассия не подвергался сомнению⁶.

Таким образом, можно говорить о существовании в историографии концепции противопоставления Цезариона Октавиану в пропаганде Антония. Сущность ее сводится к тому, что Антоний увязывал происхождение Цезариона и его права на политическое наследие диктатора⁷.

Будет неверным утверждение, что в пропагандистской войне 34–32 гг. до н.э. имя Цезариона не играло никакой роли. Однако есть все основания полагать, что значение этого направления противоборства триумвиров, как минимум, преувеличено в современной исследовательской литературе.

Первое, что бросается в глаза в концепции противопоставления Цезариона Октавиану, это механизм реализации «политических прав» кровного сына диктатора в случае их доказательства Антонием. Известно, что даже Октавиан, названный главным наследником Цезаря в его завещании, сумел реализовать свое право только после захвата им Рима в августе 43 г. до н.э. через утверждение в куриатных комициях⁸.

Принятие Гая Октавия в род Юлиев, как единодушно подчеркивали Аппиан и Дион Кассий, проходило по установленной римской тради-

Октавиан был узурпатором имени и программы Цезаря» (*Huzar E. Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 199*); «Это ставило под сомнение право самого Октавиана быть преемником имени Цезаря и его политического наследства» (*Кравчук А. Закат Птолемеев. М., 1973. С. 185*); «...это заявление являлось беспрецедентным выпадом против Октавиана, поскольку рождало предположение, будто его собственные притязания на то, что он сам был законным наследником Цезаря, совершенно необоснованны» (*Грант М. Клеопатра. Последняя из Птолемеев. М., 2003. С. 263 сл.*). См. также: *Charlesworth M.P. Op. cit. P. 176*; *Scott K. The Political Propaganda. P. 37 f., 47*; *Scullard H.H. From the Gracchi to Nero: A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L., 1963. P. 173*; *Lindsay J. Cleopatra. N. Y., 1971. P. 58, 119 f.*; *Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 53.*

⁶ Начало дискуссии, как кажется, положил Ж. Каркопино в 1934 году в работе: *Points de vue sur l'impérialisme romain (P., 1934. P. 141 ff)*. Эти же мысли исследователь развил позднее в монографии: *Carcopino J. Passion et Politique chez les César. P., 1958. P. 30–56*. Данную точку зрения активно поддержал Дж. Бальсдон, признав неубедительными доводы оппонентов Ж. Каркопино – К. Майклджона, Г. Фолькмана и др. См.: *Balsdon J.P.V.D. Rec. in: H. Volkmann. Cleopatra: A Study in Politics and Propaganda. L., 1958 // CR. 1960. Vol. 10. P. 68–71*. Ср.: *Meikjohn K.W. Alexander Helios and Caesarion // JRS. 1934. Vol. 24. P. 191–195*; *Volkmann H. Politik und Propaganda. München, 1953. S. 70 ff.*; *Heinen H. Cäsar und Kaisarion // Historia. 1969. Bd. 18. Hf. 2. S. 181–203*. *Jimenez R.L. Caesar against Rome: The Great Roman Civil War. Westport, 2000. P. 244*. Х. Хайнен, жестко критикуя мнение французского исследователя в отношении Птолемея Цезаря, тем не менее отметил, что Октавиан как приемный сын, не был заинтересован в признании Цезариона сыном диктатора (S. 190).

⁷ В основу теории, возможно, было положено известное изречение Антония, относящееся к Октавиану: *Et te, o puer, qui omnia eius nomini debes* (Сис. *Phil. XIII.11. 24–25*). Так, по мнению Дж. Крука, для Антония, который прямо связывал имя и политические права, включение Цезариона в род Юлиев означало лишение права Октавиана на клиентелу Цезаря и влияло на преданность к нему ветеранов покойного диктатора (*Crook J. A Legal Point about Mark Antony's Will // JRS. 1957. Vol. 47. P. 38*).

⁸ *App. BC. III.94*. Дион Кассий уточняет, что, несмотря на фактическое использование имени Цезаря в 44 г. до н.э., Октавиан получил право на это только после куриатного закона (*Dio Cass. XLVI.47. 4–6*). На необычные обстоятельства «посмертного» усыновления Октавиана указала П. Сатерн (*Southern P. Augustus. L., 1998. P. 35*).

ции, то есть через куриатные комиции на основании завещания самого Цезаря. Между тем, в отношении Цезариона не было проведено ни одного действия, позволявшего ему (иностранцу) на законных основаниях принять наследство отца (римского гражданина). Более того, известно, что Антоний, доказывая факт признания Цезарем ребенка Клеопатры своим сыном, обращался в сенат (Suet. *Iul.* 52.2), политический орган, правомочный признать Цезариона в качестве законного правителя Египта, но не имевший права санкционировать включение внебрачного сына диктатора в его род.

Нелишне вспомнить, что римское наследственное право в I в. до н.э. основывалось на приоритете агнатического родства над когнатическим (Gaius. *Inst.* I.48–111). Признание кровного родства не давало Цезариону права наследовать имущество и клиентелу отца, что не позволяет говорить о «политических» притязаниях Цезариона (то есть стоявшего за ним Антония).

Второе, на что следует обратить внимание. Судя по описанию процедуры «Александрийских дарений» у Диона Кассия (несколько отличному от описания Плутарха), Антоний не реально назначил детей правителями, но *пообещал* им это (δῶσειν ὑπέσχετο – Dio Cass. XLIX.41.1–3. Ср.: Plut. *Ant.* 54). Более того, он послал документ в Рим на ратификацию своих решений (ἐς τὴν Ῥώμην, ἵνα καὶ παρ' ἐκείνων τὸ κύρος λάβῃ, ἐπέστειλεν – Dio Cass. XLIX.41.4). Если этот документ, как полагают некоторые исследователи, носил антиримский характер, то зачем Антонию понадобилось бы его обнародовать и тем более отправлять на утверждение?

С другой стороны, анализ разрозненных сообщений античных авторов показывает, что Антоний действительно стремился доказать происхождение Цезариона от диктатора. Он неоднократно публично подчеркивал интимный характер взаимоотношений Цезаря и Клеопатры: это и его обращение к сенату (Suet. *Iul.* 52.2), и апелляция к свидетелям – Гаю Оппию и Гаю Матию (ibid.), и публичное объявление во время «Александрийских дарений» (Dio Cass. XLIX.41.2. Ср.: Plut. *Ant.* 54), и довольно необычное упоминание в завещании (Dio Cass. L.3.5).

Если считать политику Антония по легализации статуса Цезариона в римской правовой системе направленной против Октавиана, то следует признать бессмысленность уверений Антония, что подтвердить факт родства между сыном Клеопатры и покойным диктатором могут Гай Матий и Гай Оппий – убежденные сторонники Октавиана. Общеизвестно, что оба вышеуказанных военачальника действительно были близки к Цезарю в последние годы его жизни и, следовательно, могли обладать достоверной информацией о подлинных отношениях диктатора с египетской царицей. Если отбросить сомнительное предположение, что Антоний своим заявлением стремился опорочить Матия и Оппия в глазах Октавиана, то можно с уверенностью утверждать, что выход книги Оппия, в которой отрицалось родство Цезаря и Цезариона, был неожиданным для Антония⁹.

⁹ Suet. *Iul.* 52.2. Было высказано предположение, что издание книги Оппием являлось только актом самосохранения, поскольку Октавиан и мысли не допускал о том, что кто-либо будет претендовать на наследство Цезаря (Lindsay J. Op. cit. P. 122). Вряд ли речь может идти о «самосохранении». Как показал А. Альфёльди, Оппий играл очень важную роль в карьере Октавиана, выполняя роль одного из руководителей его штаба (Alföldi A. Octavians

Не менее странным выглядит и завещание Антония, в котором он якобы подтверждал происхождение Цезариона от Цезаря¹⁰. Светоний, рассказывая о завещании, осуждает не сам факт «дарений», а то, что тот объявил в нем своими наследниками «даже детей от Клеопатры» (Suet. *Aug.* 17.1). Как показал Д. Крук, Клеопатра, как и ее дети от Антония, считались иностранцами, а, следовательно, не могли по римским законам претендовать на какое-либо имущество Антония и вообще быть его наследниками¹¹. Не имело юридической силы и заявление Антония в отношении Цезариона.

В объяснении причин «нелогичного», «противозаконного» поведения Антония в отношении Цезариона, вряд ли можно согласиться с мнением К. Майклджона, полагавшего, что Антоний стремился использовать имя сына Цезаря в своей пропаганде для воздействия на римлян так же, как его собственный ребенок от Клеопатры (Александр Гелиос) должен был повлиять на сознание жителей Восточного Средиземноморья и Азии в целом¹². Любопытно, что вопрос о Цезарионе, по свидетельству античных авторов, чаще поднимал вовсе не Антоний (как это следовало бы ему при противопоставлении Цезариона Октавиану), а сам Октавиан, причем делал это публично, стремясь пробудить негодование сограждан действиями коллеги по триумvirату¹³. Представляется, что подоплеку обвинений против Антония следует искать в иной плоскости.

Согласно информации источников, Октавиан действительно ставил в вину Антонию, что тот хотел ввести Цезариона в род Юлиев (Dio Cass. L.1.5. Ср: L.3.5). При этом выделялась явная незаконность действий Антония по легализации статуса Цезариона в римской правовой системе. Фиксируя это нарушение римских законов, Октавиан, вероятно, прежде всего стремился подчеркнуть, как низко пал Антоний, пытаясь ввести в род Юлиев сына иноземной царицы. Согласно пропаганде Октавиана, Антоний уже давно подпал под влияние Клеопатры и фактически стал рабом ее прихотей, ее варварского поведения, сам вел образ жизни, недостойный триумвира и римского гражданина. В свете такой пропаганды попытка Антония придать «законность» рождению

Aufstieg zur Macht // AA. 1975. Bd. 21. H. 1. S. 5. Ср.: *Townend G.B.* C. Oppius on Julius Caesar // *AJPh.* 1987. Vol. 108. № 2. P. 329). Можно предположить, что Оппий в данном случае выполнял указание Октавиана. На то, что верить Оппию нельзя, указал Х. Хайнен (*Heinen H.* Op. cit. S. 195).

¹⁰ Dio Cass. L.3.5. Ср.: *Plut. Ant.* 58; *Suet. Aug.* 17.1.

¹¹ *Crook J.* Op. cit. P. 36. Исследователь высказывает сомнение в подлинности завещания Антония. Этой же точки зрения придерживается Дж. Линдсей и М. Грант (*Lindsay J.* Op. cit. P. 348; *Грант М.* Указ. соч. С. 275 сл.). Р. Сайм, напротив, полагает, что завещание было подлинным, хотя оно было настолько выгодно Октавиану, что его можно было бы заподозрить в подделке (*Syme R.* Op. cit. P. 282). Д. Кинаст подчеркнул, что завещание Антония носило не только имущественный, но и политический характер (*Kienast D.* Op. cit. S. 58).

¹² Исследователь говорит о грандиозном плане примирения Востока и Запада, якобы задуманном Антонием под влиянием Клеопатры (*Meikjohn K.W.* Op. cit. P. 193). Впрочем, автор допускает, что претензии Антония могли быть преувеличены или даже вымышлены Октавианом в пропагандистских целях (p. 192).

¹³ Так, Дион Кассий сообщает, что публичное прочтение завещания Антония с соответствующими ремарками Октавиана произошло не только в сенате, но и в народном собрании (Dio Cass. L. 3.4).

Цезариона воспринимались как противоправные, что подтверждало те слухи, которые распространяли в Риме сторонники Октавиана¹⁴.

Источники, за исключением мнения самого Диона Кассия, не содержат никаких указаний на стремление Антония противопоставить Цезариона Октавиану в борьбе за политическое наследие Цезаря. Представляется, что таких планов и не существовало, по крайней мере, в отношении западной части Римской державы.

Объяснение причин публичных заявлений Антония о статусе Цезариона, вероятно, следует искать в событиях 34 г. до н.э., развернувшихся в Александрии. «Александрийские дарения» являлись, по сути, внешнеполитической программой Антония, направленной на реализацию в новых условиях планов Цезаря по завоеванию Востока¹⁵. Не случайно Антоний распространял «дарения» на все территории до Индии, то есть не только на недавно захваченную Армению, но и Парфию с Мидией. Одновременно с этим утверждалась и новая внутренняя структура управления Египтом и Ближним Востоком.

Здесь-то, очевидно, и возникает имя Цезариона, которому отводилась не только роль соправителя Клеопатры в Египте: после ее смерти он получал статус верховного правителя в ранге «царя царей». Естественно, что «владыка Востока» должен был иметь божественное происхождение, а с этим у Цезариона было благополучно только по материнской линии. Если на Востоке проблем легитимации Цезариона не возникало, то для римлян формально он был незаконнорожденным. Признание его отцом Цезаря, считавшегося богом и на Востоке, и на Западе, все ставило на место. Вероятно, в этом и заключалось настойчивое стремление Марка Антония внедрить в римское общественное сознание идею кровного родства Птолемея XV – сына Клеопатры–Исиды и Цезаря, обоготворенного постановлением римского сената 1 января 42 г. до н.э.¹⁶

В специальном исследовании, посвященном вопросам взаимоотношений римлян с зависимыми царствами, Д. Браунд неоднократно отмечал, что назначение Клеопатры соправительницей брата, проведенное Цезарем, прямо вытекало из его диктаторских полномочий. В качестве высшего римского магистрата он был просто обязан принять уча-

¹⁴ Подробнее см.: *Ахиев С.Н.* Образ Клеопатры в пропаганде Октавиана // Актуальные вопросы истории. Саратов, 2001. С. 94–101.

¹⁵ Е.В. Смыков полагает, что речь должна идти не о «завоевании», а о «включении в сферу римской гегемонии вполне традиционным способом, при помощи возведения на престол зависимого от Рима правителя, в данном случае – Александра Гелиоса». Чуть ниже исследователь отмечает: «...Антоний-Дионис не имел необходимости завоевывать вновь то, что уже завоевал его божественный прототип» (См.: *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 104). Термин «завоевание» представляется нам вполне уместным. Полагаем, что здесь Антоний, следовал не столько своему божественному прототипу – Дионису, сколько Цезарю, подготовившему поход против Парфии. Да и включение Парфии в сферу римского влияния путем возведения на престол Александра Гелиоса «традиционным способом» не назовешь. Речь идет именно о покорении Парфии вооруженным путем: не считая прямого вторжения в 36 г. до н.э., Антоний, истощая египетскую казну, непрерывно готовил войска для непосредственной атаки этого враждебного царства, и лишь война с Октавианом заставила его отвести легионы от границ Парфии.

¹⁶ См.: *Грант М.* Указ. соч. С. 151. Свадьба Антония и Клеопатры в 37 г. до н.э., столь же незаконная для римлян, как и «священный брак» Цезаря с правительницей Египта, на Востоке узаконивала божественный и царский статус собственных детей Антония от царицы – Александра Гелиоса, Птолемея Филадельфа и Клеопатры Селены (там же. С. 340).

стие в вопросе урегулирования династического кризиса в Египте от имени римского народа¹⁷. Антоний же, как справедливо заметил М. Рейнхольд, проводя «Александрийские дарения», лишь продолжил эту линию, что вполне объясняет его обращение в сенат с просьбой ратифицировать новую систему взаимоотношений Рима с зависимыми царствами на Востоке¹⁸.

Признание факта родства Цезариона и Цезаря таким образом было направлено не на ущемление статуса Октавиана, как полагают многие исследователи, а на признание римлянами законного статуса Цезариона как верховного правителя Египта и стран Востока¹⁹.

Сторонники противопоставления родного и приемного сыновей Цезаря усматривают еще одно обстоятельство в пользу своего предположения. Октавиан, якобы опасавшийся родного сына диктатора, поспешил уничтожить своего конкурента в борьбе за политическое наследие Цезаря после победы над Антонием и Клеопатрой. Здесь, очевидно, исследователи следуют мнению Плутарха, упомянувшего, что Октавиан видел опасность в «многоцезарстве»²⁰.

Убийство Цезариона можно объяснить иными обстоятельствами. Цезарион становился полновластным правителем Египта после смерти Клеопатры. Однако итог войны для Октавиана заключался не только в разгроме противника, но и в территориальном приращении – аннексии богатейшего Египта, необходимого для обеспечения потребности в вознаграждении бунтующих ветеранов и солдат действующих легионов. Следовательно, наследники были не нужны и от них поспешили избавиться (имеется в виду не только Цезарион – наследник власти над Египтом, но и Антилл – наследник имени, имущества и клиенты триумвира).

В заключении следует признать, что сообщения источников о Цезарионе и планах на него Антония и Октавиана настолько скупы, что не

¹⁷ Эта обязанность, как полагает исследователь, вытекала из многочисленных завещаний египетских правителей, согласно которым, *Populus Romanus* через своих магистратов на Востоке (в разное время ими были Корнелий Сулла, Помпей Магн и др.) должен был осуществлять опеку над египетскими династиями в виду постоянных стычек между членами правящей фамилии в борьбе за власть (*Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. N. Y., 1984. P. 136, 137.*)

¹⁸ *Reinhold M. Studies in Classical History and Society. N. Y., 2002. P. 57.* Примечательно, что завещание Птолемея XII Авлета оглашалось и утверждалось как раз в сенате, что еще раз подчеркивает тот факт, что именно в этот политический орган и должен был обратиться Антоний за утверждением своих решений по реорганизации управления на Востоке (см.: *Braund D. Op. cit. P. 136 f.*)

¹⁹ Об этом должно свидетельствовать и время первого заявления Антония о родстве Цезаря и Цезариона – 34 г. до н.э. Речь не идет о совместном признании этого факта триумвирами в 43 г. (см.: *Carcopino J. Passion et Politique chez les Césars. P. 33 ff.*). Вряд ли можно согласиться с утверждением Дж. Бальсона, что Антоний известил сенат о признании Цезарем сына Клеопатры родным уже в 44 г. (по крайней мере так можно понять фразу «...some time after Caesar's death...» – *Balsdon J.P.V.D. Op. cit. P. 69.*) В этом случае было бы трудно понять апелляцию к Оппию и Матию. Появление этой книги в 34/33 г. вполне вписывается в характер взаимоотношений между Октавианом и Антонием как одной из форм реакции на «Александрийские дарения» и политические притязания Марка Антония на Востоке, а также амбиций Октавиана в целом.

²⁰ *Plut. Ant. 81.* Эта точка зрения прослеживается и в новейшей исследовательской литературе. См.: *Southern P. Op. cit. P. 36; Heinen H. Kleopatra und die Caesaren // Die Rom und Caesarfreundschaft der Kleopatra: Gebrauch und Missbrauch eines politischen Instruments. München, 2007. S. 156.*

позволяют утверждать что-либо однозначно. Несомненно, имя Цезариона использовалось в пропагандистской войне, но вряд ли это направление являлось столь значимым, как это представляется в современной исторической литературе. Скорее всего, Октавиан стремился еще раз подтвердить, что Антоний, нарушив римские законы, перестал быть римлянином и целиком подпал под власть Клеопатры. И, конечно, не последнюю роль играло желание разрушить планы Антония.

SERGEY N. AKHIEV (SARATOV)

PTOLEMY CAESAR IN PROPAGANDA OF TRIUMVIRI

Modern works on history, devoted to propaganda war of 34–32 B.C., tend to oppose the dictator's son (Caesarion) to his adopted son (Octavian). The theory is that Antony connected Caesarion's origin to his right to be a political successor of the dictator. However, acknowledgement of consanguinity did not entitle Caesarion to inherit his father's property and clientel, that does not allow to talk about Caesarion's (and Antony behind him) "political" claims. Antony's public speeches regarding Caesarion's status, can be explained by events of 34 B.C. in Alexandria. "The Donations of Alexandria" was, actually, Antony's external policy, aimed at realization Ceasars' plan on invading the East. Simultaneously, a new Egypt and Middle East internal managing structure was stated.

That is where the name of Caesarion appears. He was given a role of a co-ruler with Cleopatra in Egypt, and the status of a superior ruler, "the king of kings", upon Cleopatra's death. It's clear that the supreme ruler of East had to be of divine origin. While in the East there were no problems with Caesarion's legitimacy, for the Romans he remained a bastard. This problem was solved by proclaiming Caesar, deified by the Roman Senate, as his farther. Thus it was aimed not at derogating Octavian's status, but at acknowledging Caesarion's official status as a superior ruler of Egypt and the countries of East.